

Национализм и власть в советской и постсоветской России*

Размышления о книгах: Dina Zisserman-Brodsky,
Constructing Ethnopolitics in the Soviet Union
(London: Palgrave Macmillan, 2003) и
Валерий Тишков, *Реквием по этносу. Исследования по
социально-культурной антропологии*
(Москва: «Наука», 2003)

Обе книги, безусловно, новаторские – каждая в своем роде, и имеют прямое отношение к умонастроениям и политике в Израиле. Поэтому стоит обратить на них внимание, хоть они и не последние новинки сезона, и в Израиле ни одна из них не появлялась до сих пор и вряд ли уже появится в книжных магазинах. Новизна их в нетривиальном подходе к темам, давно уже находящимся в фокусе общественного внимания. Дина Зиссерман-Бродская, в прошлом известный диссидент и активист правозащитного движения в Москве, явно выпадает из сложившейся в период перестройки традиции повествования о «борцах за правду» и их жестоких «гонителях». Нельзя сказать, что все такого рода сочинения, составившие, вероятно, новый жанр русской литературы, были тенденциозны и искажали действительность. Они просто видели лишь одну ее

* Настоящая статья была впервые опубликована в иерусалимском журнале «Время искать», №12 (2005). С. 118–124.

сторону: жестокое подавление и героическое противостояние. За какую «правду» боролись эти герои, было для авторов не столь уж существенно, а для их западной или израильской поддержки совершенно очевидно – за свободу личности: доступ к информации, право создания обществ, свободу передвижения, в общем, за либеральные ценности, а за что еще можно бороться с тоталитарным режимом? Поэтому для многих западных сочувствующих и израильских политиков была полной неожиданностью право-националистическая ориентация партии «Израэль ба-Алия», рекрутированной почти исключительно из прежних борцов с режимом за свободу выезда в Израиль. Эта партия легко пожертвовала специфическими нуждами своих избирателей, часто лишенных возможности заключить брак в своей стране и не способных обрести дом на исторической родине, ради заселения завоеванных в 1967 году территорий, и влилась в Ликуд, «не поступаясь принципами». Впрочем некоторые члены этой партии покинули ее еще до слияния с Ликудом и оказались в партии «Наш дом – Израиль», находящейся на правом фланге политического спектра страны.

Подробное и последовательное описание политических программ национальных движений в бывшем СССР, сделанное Диной Зисерман-Бродской, открывает глаза читателя на тот факт, что движения эти шли почти всегда под знаменами этнонационализма, выдвигали требования о возвращении на свою «этническую территорию», с которой в ряде случаев они были выселены в период сталинских репрессий (например, крымские татары или турки-

месхетинцы). О правах и свободах личности почти не идет речь в их требованиях, все просьбы и требования выдвигаются всегда от имени «народа» и в пользу «народа», в том понимании народа – этноса, которое сложилось и укоренилось в советскую эпоху. Западные радетели «правозащитного» движения в Советском Союзе вряд ли согласились бы с такой программой.

Обе книги, о которых идет речь, хотя и не посвящены непосредственно распаду Советского Союза, но постоянно рефлексировать это событие. Дину Зисерман-Бродскую скорее волнует причина распада СССР и возможность предвидеть этот распад, а Валерия Тишкова – пути сохранения культурного единства на постсоветском пространстве и возможность избежать подобного сценария для многонациональной России. Удивительно, как обе книги оформлены в противоречии с их содержанием: анализ диссидентской идеологии, оказавшейся в конечном счете разрушительной для государства, одет в карминно-красный супер, по которому разбросаны звезды, серпы и молоты, а сочинение крепкого государственника, озабоченного главным образом «созданием народа для государства», украшено на обложке картинкой сегодняшней московской барахолки. Надписи на майках рядом с изображением московских церквей, автомата Калашникова, матрешек и эмблемы КГБ свидетельствуют о том, что все потеряло свой смысл и превратилось в игру – азартную игру на деньги. Культурные символы потеряли свою привычную значимость и приобрели некий игровой статус, подобно карточным валету, даме, королю. Все выставлено на

продажу и всему есть новая, соответствующая ситуации, цена.

Но пафос книги Валерия Тишкова как раз не в этом — не в отрицании прежней системы этнографических понятий и таксономий, а в утверждении новой, более универсальной и конструктивной, по мнению автора. В подзаголовке все это многозначительно названо «Исследованиями по социально-культурной антропологии»; точнее было бы назвать это очерками современной этнологии. Поскольку, с одной стороны, автор дает настолько всеохватную картину современного состояния этнографической науки в России, к тому же в ее связи с практикой национального строительства и государственного регулирования национальных процессов, что даже пробег «по верхам» и упорядоченная подача материала — огромный труд как по объему, так и по сути, а исследование и не входило в авторскую задачу — он занимался отрицанием и пересмотром. С другой стороны, социально-культурной антропологии как сложившейся научной дисциплины в России нет, что сам автор вынужден признать еще в начале своего труда. Он, конечно, хочет таковую дисциплину ввести и открыть новую область в науке своей книгой, но для того, чтобы новая область была открыта, надо, чтобы его идеи получили общественное признание, а этого пока не видно на протяжении тех двух лет, которые прошли со времени издания книги. В оправдание российской науки надо отметить, что и на Западе существуют социальная и культурная антропологии, различающиеся своими методиками.

Что же отрицает В.А. Тишков с запальчивостью спорщика, но прибегая в то же время к широчайшему спектру аргументов из современной западной науки, из собственного богатого опыта полевых исследований, наконец, из специфически осмысленной истории падения СССР и становления новой постсоветской России? Да краеугольный камень советской этнографической науки – теорию этноса. Ту самую, в соответствии с которой была выстроена таксономия: этнографическая группа – этническая группа (народность, субэтнос) – народ (этнос) – метаэтническая группа (суперэтнос), определявшая всю государственную политику распределения национально-культурной автономии среди народов бывшего СССР. Более того, эта модель осмысления действительности прочно вошла в сознание большинства советских ученых и общественных деятелей, и к семидесятым годам прошлого века уже моделировала сознание и тех борцов с системой, о которых пишет Д. Зисерман-Бродская.

Учитывая, что далеко не всем нашим читателям удастся познакомиться с описываемой литературой, позволю себе вкратце пересказать книги, о которых идет речь.

Д. Зисерман-Бродская описывает диссидентские националистические движения в СССР, используя самиздат как основной источник и рассматривает распад СССР и становление национальных государств на его территории как завершающий этап перехода от идеологии строительства коммунизма к национализму. В. Тишков описывает как бы современный кризис этнографической науки в Рос-

сии и пути выхода из него, но параллельно он обвиняет господствовавшую долгое время (а, возможно, и по сей день) теорию этноса в формировании этнонационалистического сознания, приведшего в конечном счете к распаду СССР и созданию на его месте ущербных государственных образований, пренебрегающих подлинными интересами своих граждан, подавляющих свои национальные меньшинства и погрязших в коррупции. Анализ путей выхода из политического кризиса, породившего войны, террор, ксенофобию, занимает в книге В. Тишкова не меньше места, чем критический пересмотр теоретических посылок в этнологии.

Обширное введение в книгу «Конструирование этнополитик в Советском Союзе» примечательно постановкой вопроса о том, кто, когда и на каком основании предсказывал распад Советского Союза. Автор отмечает, что для ряда американских советологов, так же, как для многих советских диссидентов, вроде Андрея Амальрика («Доживет ли СССР до 1984 года?»), распад СССР казался закономерностью, причем даже сценарий они предвидели правильно: ослабление центральной власти и, затем, усиление центробежного национализма в республиках.

Во второй главе, посвященной теории и практике советской национальной политики, Д. Зисерман-Бродская доказывает, что эта политика не была прямой функцией марксистско-ленинской идеологии по национальному вопросу, да и сами идеологические установки получали разнообразные толкования вплоть до противоположных. Например, журнал «Коммунист» в разных номерах в одном и

том же 1988 году напечатал две статьи: оправдывающую и обвиняющую сталинскую политику депортации целых народов, исходя из одних и тех же ленинских принципов. Д. Зисерман-Бродская убедительно показывает, что принципы были противоречивы и, порой, продиктованы тактикой политической борьбы, а национальная политика в СССР носила более гибкий и прагматичный характер, нежели «руководящая» идеология.

Третья глава – «Процесс модернизации и этнонационализм» – показывает эволюцию национальных движений, их связь и последующее расхождение с движением за гражданские права. Вначале все они, кроме русского националистического движения, объявлявшего себя славянофильским (хотя на самом деле оно во многом расходилось с подлинными славянофилами) и занимавшего крайне правые, антизападные позиции, шли в одном русле с правозащитным движением. В составе хельсинских наблюдательных групп – московской, вильнюсской, тбилисской – были не просто евреи, а активисты еврейского движения за свободу выезда в Израиль. Надо отметить, что Государство Израиль, поддерживавшее отказников, всячески старалось отмежеваться от правозащитного движения. К концу 1970-х годов еврейские активисты стали все больше концентрироваться на узконациональных интересах в ущерб общедемократической направленности движения.

Надо признать, что такова была эволюция большинства национальных движений. Начавшиеся после XX съезда партии под лозунгами возвращения к ленинской

национальной политике, ратовавшие в 1960-е годы за «социализм с человеческим лицом», они на протяжении 1970-х двигались в сторону антисоветизма и антикоммунизма, став явно сепаратистскими. На смену коммунистической идеологии самым естественным и закономерным образом пришла националистическая, как об этом писал Роман Шпорлюк в книге «Коммунизм и национализм» (1988), неоднократно цитируемой Д. Зисерман-Бродской.

Особый интерес представляет пятая глава, озаглавленная «Этнические организации, программы и требования». В ней дается такой широкий обзор сформулированных позиций различных национальных движений, что на ее основе можно было бы написать еще одну книгу – сравнительный анализ национальных программ у разных народов СССР. Но нас, так же, как и автора, интересует в данном случае другое: обмен идеями между официозом и оппозицией.

Исходя из ленинской национальной политики, обладание национальным государством считалось величайшей ценностью: это создавало максимальные возможности самоуправления, возможность самостоятельно развивать международные связи, максимально покровительствовать национальной культуре. На уровне союзных республик все это коррелировало с номинальным правом «самоопределения вплоть до полного отделения». Никто не ставил под сомнение сам принцип, согласно которому количество разрешенной национальной культуры было пропорционально политическому статусу этноса. Например, лезгины боролись за приобретение статуса народа с

набором национально-культурных институтов, полагающихся автономии, а татары хотели повысить статус своей республики с автономной до союзной, несмотря на отсутствие внешней границы, что лишало их физической возможности «полного отделения».

Вместе с тем, закономерность, связывающая государственное самоуправление с наличием, скажем, национальной академии, не казалась очевидной. Достаточно часто и путь к большей свободе экономической деятельности пролегал через сферу национальной автономии. Все это придавало особое значение территориям, границам и национальной администрации. На самом деле законы действуют не на территории, а применительно к лояльным гражданам – личностям, добровольно готовым закон соблюдать. В противоположном случае они могут просить о выходе из гражданства с последующей экстерриториализацией или же без нее (первый случай относится к советским диссидентам и «отъезжантам», а второй к супругам иностранных дипломатов).

История достаточно ясно показала в ходе периода перестройки, что является «первичным», а что «вторичным» в области национальной политики. Общая демократизация довольно быстро обеспечила свободу выезда в Израиль и другие принимающие советских евреев страны, тогда как многолетняя борьба отказников смогла повлиять, в лучшем случае, на их собственное положение, и краткое «открытие двери» сменялось долгим периодом полного невыезда. Тем не менее, одна из священных коров израильского общества – «герои, которые боролись за вы-

езд и тем самым открыли путь большой алии». При этом желание выехать на историческую родину и ощущать вообразимое на самом деле культурное единство с окружающим населением воспринимается как легитимное и заслуживающее уважения как с российской (прежде советской), так и с израильской стороны. Тогда как стремление реализоваться полнее в профессиональной сфере или просто свободней перемещаться по миру, поддерживая связи с друзьями, отнюдь не воспринималось как достаточная легитимизация выезда из СССР (России, Украины, Грузии и так далее).

Книга В.А. Тишкова призвана внести радикальные изменения прежде всего в умы будущих ученых и потому она претендует на то, чтобы встать в один ряд как с теоретическими трудами его предшественников, так и с учебными пособиями по этнологии. Отсюда всеохватный обзор теории и многочисленные попытки упорядочить и объяснить нынешнее национальное состояние России. Роль науки в формировании общественного мнения и направлении политических движений здесь явно преувеличена. Теория этноса, сложившаяся в 1960-е годы и окончательно сформулированная и разработанная академиком Ю.В. Бромлеем и его сподвижниками в 1970-е, имела долгую предысторию в российской науке и советской общественной практике. Подъем национализма в России пришелся не на середину девятнадцатого века, как в более развитых европейских странах, а на начало века двадцатого. К этому времени Европа уже осмыслила и обобщила в теории новую историческую реальность национальных го-

сударств. В годы, предшествовавшие первой мировой войне, эта литература активно переводилась на русский язык и влияла на российских философов и этнографов. В.А. Тишков не случайно начинает главу, посвященную русскому национализму, с цитаты из Н.А. Бердяева. Молодое советское государство получило в наследие не только многонациональную российскую империю со всеми ее проблемами, но и состояние чрезвычайной «национальной озабоченности», в условиях которой формировалась ленинская национальная политика, ставшая потом на долгие годы образцом, с которого «делали жизнь» политики как у руля власти, так и в оппозиции.

Теория этноса не насаждалась специально и не преподавалась обществоведам в обязательном порядке, она была просто настолько органичным порождением всеобщих умонастроений, что даже привела к совершенно фантастическому для любого нормального общества казусу: демонстративно оппозиционный к отечественной историографии и этнографии Л.Н. Гумилев обвинил официального академика Ю.В. Бромля в том, что тот «украл у него теорию этноса». Длительному спору по этому поводу в научной и научно-популярной периодике положила предел лишь смерть академика Ю.В. Бромля. Такого было типично советское противоречие «хорошего с еще лучшим». Теория этноса и на сегодняшний день удерживает не слабые позиции в российской науке, сподвижники Ю.В. Бромля живы и творчески активны. Хорошо со стороны наблюдать за их баталиями, безусловно, плодотворными для науки.

Необходимость кардинального пересмотра всех теоретических основ подвигла В.А. Тишкова на введение в научный обиход современной российской этнологии широкого пласта отечественных культурологических исследований Бахтина, Проппа, Лотмана, прежде всегда игнорировавшихся этнографической наукой, хотя заслуживших место в ее золотом фонде. Кроме того, в его книге наряду с такими традиционными для этнографии предметами, как этногенез, характер поселений, система жизнеобеспечения, религия и магия, появляются совершенно новые для русской науки темы (см. главу VII – «Восприятие времени» и главу VIII – «Культурный смысл пространства»). О некоторых новациях можно только сожалеть, таких как «культура насилия», но, что делать, реальность диктует науке ее проблематику, а не наоборот, как порой, полемически перегибая палку, пытается утверждать В.А. Тишков.

С любой точки зрения чрезвычайный интерес представляет проанализированная им практика проведения переписей в СССР и постсоветской России. Разработка процедуры отождествления для разных встречающихся самоназваний народов, составление «списка народов», роль теоретических установок в формировании результатов переписи – все это совершенно новаторские и в высшей степени диссидентские подходы к феномену переписи, названному автором «конструированием категорий и идентичностей» (гл. V). Как несколько вызывающий, но в сущности справедливый, методический прием, В.А. Тишков применяет традиционный этнографический

подход к описанию и исследованию современной российской жизни: «Пища, одежда, жилище» и «Антропология власти, или феномен “племени на холме”». Но в какую бы эксцентрику автор ни впал и какой бы новацией ни увлекся (например, феномен диаспоры, в основном выпавший вообще из теории этноса, чрезвычайно занимает внимание Тишкова (гл. XII), он всегда остается крепким государственнымником, твердо знающим, за что он ратует. Создать российскую нацию для государства Россия – вот конечная цель и светлый идеал научного новаторства. Объяснить всем, как надо правильно думать (и чувствовать!), и тогда, проникнувшись верными идеями, они откажутся от политического экстремизма, сепаратизма, и заживут мирно и хорошо. Где-то когда-то мы это уже проходили. В иерархии община–общество–государство на постсоветском пространстве самая слабая составляющая – среднее звено. Гражданское общество еще не сформировалось и не может служить естественной опорой для государства. Этнические общины еще очень сильны: люди хотят иметь дело со «своей» администрацией и «своими» властями. Государство укрепляет позиции «сверху», опираясь на властные структуры, а не на общественные институты. И в такой ситуации даже самая передовая на уровне мировой науки общественная теория не может спасти положения.